

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИЯ •НОВЫЕ КНИГИ

Рецензия на кн.: *Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти» / науч. ред. Т. В. Куш.* — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2011. — 334 с.

ISBN 978-5-7996-0644-2.

Исследования М. А. Поляковской по поздневизантийской культуре и интеллектуальной среде, тонкостям риторики, быту и нравам палеологовского периода хорошо известны отечественным и зарубежным византинистам. Они стали своего рода классикой жанра благодаря сочетанию различных достоинств, не последнее место среди которых занимает авторское владение языком и стилем, умение погрузить читателя в быт и атмосферу изучаемой эпохи (неслучайна ориентация «Портретов византийских интеллектуалов» на «Византийские портреты» Шарля Диля). Новая книга Маргариты Адольфовны продолжает эту добрую традицию, возможно, еще более наглядным образом. Обращение к книге погружает нас в удивительно яркий и многообразный мир поздневизантийского придворного церемониала XIV в., который раскрывается Маргаритой Адольфовной посредством детального и всестороннего анализа важнейшего и еще в полной мере не оцененного источника — трактата «О должностях» Псевдо-Кодина (возможно, 1347 г.; с. 27, 233).

Монография М. А. Поляковской состоит из авторского предисловия, введения «Власть и церемониал» (с. 9–36) и пяти глав: гл. 1 «Пространство церемониала эпохи Палеологов» (с. 37–55), гл. 2 «Церемониальный образ императора» (с. 56–95), гл. 3 «Поздневизантийский чин коронования василевса» (с. 96–129), гл. 4 «Социальный мир императорского двора» (с. 130–189), гл. 5 «Парадная жизнь императорского двора» (с. 190–287). Завершают книгу заключение (с. 288–292), два приложения: «Табель о рангах XIV в.» (с. 293–304); «Алфавитный список чинов (с указанием их порядкового номера в иерархии)» (с. 305–306); список литературы (с. 307–326), указатель основных терминов (необходимый в такого рода издании, с. 327–330) и список сокращений (с. 331). Взятые вместе, данное богатство смыслов смотрится целокупно и гармонично. О чем же повествует книга? Какие главные факты нам преподносит автор, какие идеи и смыслы извлекает М. А. Поляковская из своих источников?

В центре анализа М. А. Поляковской находятся такие смежные и взаимопроникающие феномены, как придворная и церемониальная культура (музыка, литературная риторика, церемониал как таковой). Их системное изучение на поздневизантийском материале, по сути, едва началось: «По исследованию придворной культуры поздневизантийской эпохи делаются лишь первые шаги» (с. 35). А

ведь, скажем, именно пир, парадный обед является «знаковой реалией культуры» (с. 215), которая не только отражает «стандарт социальной жизни верхов общества», но и транслирует во времени определенный культурный код (там же).

Уже на этом примере видно, что с первых же страниц книги М. А. Поляковская вводит читателя в проблемные узлы, переплетение которых определяет собой динамику авторской мысли и ее последовательного изложения — в тесной взаимосвязи синхронии и диахронии. Так, проникновенные слова М. А. Поляковская посвящает церемониалу и праздничной риторике, их значению для византийцев как средств выражения гармоничной структуры мира (с. 24), сакрализации образа императора, в том числе и через церемониал как одну из форм презентации власти, ее высших ценностей и смыслов, трансляции идеи «вечного Рима» (с. 21–22, 87, 97, 195–196, 204, 205, 267, 279 и др.). Современная наука (М. А. Поляковская ссылается на М. А. Бойцова) называет данное направление исследований презентации власти потестарной имагологией (с. 75). А это уже предполагает глубинную герменевтику поздневизантийского текста, в которую М. А. Поляковская погружается на протяжении долгих лет.

Латинское правление в XIII в. прервало связь времен, поэтому прямой преемственности в обрядах, описываемых Псевдо-Кодином, с эпохой Константина VII Багрянородного не наблюдается (с. 27). Добавим, что при латинянах наблюдается угасание религиозной жизни в целом — к примеру, согласно поздневизантийской традиции, возобновление чудес на чудотворном источнике монастыря Богородицы «Живоносный Источник» наблюдается уже в первой половине XIV в., когда Иоанн Кукузель называет этот источник «рекой даров» Божиих¹. Данные, проанализированные М. А. Поляковской, вписываются в эту общую картину, кое в чем дополняя ее. Так, во многом по сходным причинам Феодор Ласкарис, возродивший в условиях Никейской империи конца XIII в. ритуал поднятия императора на щите, «... ориентировался на ранневизантийскую традицию с целью упрочения именно византийских истоков своей власти» (с. 107). Сам этот обычай был ориентирован на «... более общую и несколько абстрактную идею величия державы» (с. 109). Конкретное наполнение этой идеи при Палеологах придавала прежде всего религиозная символика и атрибутика.

Сакрализация фигуры монарха и дворцовой жизни в целом, взаимоотношения императора с патриархом и Церковью — по сути, центральные темы рассматриваемой монографии. В важном и интересном разделе «Религиозные праздники во дворце» (с. 245–267) читаем о сакрализации характера дворцового церемониала в палеологовскую эпоху (с. 245), об «усилении теофанических моментов на фоне общей сакрализации жизни дворца» (с. 203), о том, что «... дворец в значительной степени взял на себя функции храма» (с. 258). Во многом так оно и было: ведь не случайно известный диспут 1355 г. между свт. Григорием Паламой и выдающимся философом и интеллектуалом Никифором Григорой состоялся именно во дворце (ἐπὶ τοῦ παλατίου), в присутствии императора Иоанна V Палеолога и членов его фамилии². Аналогичные выводы делаются по истории парадного обеда (доми-

¹ Talbot A.-M. Epigrams of Manuel Philes on the Theotokos tes Peges and Its Art // DOP. 1994. Vol. 48. P. 136 and n. 6.

² Факрасис Г. Диспут свт. Григория Паламы с Григорией философом. Философские и богословские

нирующей в XIV в. становится религиозная атрибутика — с. 224), по сакрализации дворцового церемониала (с. 245). Представляется справедливым и итоговое заключение М. А. Поляковской по данному разделу: сакрализация дворцовой жизни при Палеологах связана «...со стремлением власти усилить значимость императора и императорского дворца как гаранта неколебимости и мощи страны в условиях переживаемого ею внутри- и внешнеполитического кризиса» (с. 267, ср. с. 290).

В этих условиях получает особую значимость создававшийся веками «политический миф о высоком предназначении власти», транслируемый церемониалом (с. 22, со ссылкой на О. Трайтингера). Он находит выражение и в высокой светской литературе: так, со ссылкой на энкомий Димитрия Кидониса Иоанну VI Кантакузину М. А. Поляковская утверждает, что «...личность правителя соотносилась энкомиастами со статусом и действиями Бога» (с. 198). Соответственно, меняется и отношение власти к народу: хотя значение народа и минимизируется, но «в концептуальной сфере» его роль остается репрезентативной — «...это была мощная фоновая группа, без которой церемониальный спектакль не мог бы состояться» (с. 138).

Касаясь государственно-политического или «державного» аспекта церемониала, М. А. Поляковская подчеркивает: «Стабильность традиций императорского двора должна была создавать иллюзию могущества империи» (с. 181). Церемониал был ориентирован «...на перманентную трансляцию идеи императорской власти» (с. 188), конные выезды императора за пределы дворца были демонстрацией богатства и силы власти, т. е. того, в чем так нуждались ее — этой власти — подданные (с. 237). «Магия порядка, — пишет автор, — гипнотически воздействовала на участников церемониального спектакля, вызывая у них, по сути дела, священное чувство выполнения высокого долга во имя Бога, василевса и империи» (с. 194). Идея же порядка-таксиса, как хорошо известно³, была одной из культуурообразующих для византийской цивилизации — возьмем ли мы благолепие ангельских чинов, описанное в деталях Псевдо-Дионисием Ареопагитом, или великолепие земных мундиров, процессий и церемоний, о которых сообщает нам Псевдо-Кодин.

Эвристически значимы страницы, посвященные М. А. Поляковской проблеме единства и различий в чине коронования василевса, бывшем в употреблении в XIV в. Опираясь на все четыре дошедшие до нас описания чина (Псевдо-Кодин, Иоанн Кантакузин, Игнатий Смоленский и флорентийская рукопись конца столетия, тексты из которой читались на коронации Мануила II в 1392 г.), М. А. Поляковская доказывает принципиальное единство этого чина — при некоторой вариативности в деталях (с. 125–129). Одно из главных различий связано с участием императора в таинстве Причащения Св. Даров, завершавшем процедуру коронации. Император причащался в алтаре и из рук патриарха, причем не из лжицы, как миряне, а из Чаши, «как и священники», уточняет Псевдо-Кодин (цит. по: с. 89; см. также: с. 121–125). Но если,

аспекты паламитских споров. Святая Гора Афон; М., 2009. (Smaragdus Philocalias). С. 22–23.

³ Концепция идеального социального строя — полиса — как воплощенного таксиса, как известно, оформляется уже у Аристотеля (см., например: Шукуров Р. М. Введение, или Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / под ред. Р. М. Шукурова. М., 1999. С. 26).

согласно Псевдо-Кодину, император нес в правой руке крест, а в левой — ларец, то, например, Игнатий Смоленский упоминает о зажженной свече в руке государя (с. 129). Надо полагать вместе с автором, что подобные различия в деталях были вполне допустимы (там же). Кроме того, М. А. Поляковская затрагивает и проблему эволюции форм и способов причащения правителя на всем протяжении византийской истории. Скажем, во времена Константина Багрянородного василевс причащался на антиминсе, который выносили на солею перед алтарем (с. 123). А это позволяет заключить вместе с М. А. Поляковской об особой сакрализации фигуры монарха именно в поздневизантийскую эпоху. Это нашло отражение и в празднике Рождества Христова, как он праздновался во Влахернском дворце: главной идеей торжества было «подражание василевса Богу как Победителю» (с. 249). Таким образом, в изначальном синтезе римских (таких, как *reditus imperatoris*) и христианских элементов, легшем в основу византийской церемониальной практики и политической идеологии в целом, на протяжении палеологовской эпохи возрастал удельный вес собственно православной составляющей (см. в целом с. 249–253, 255, 257). Этим, видимо, объясняются и черты большей статичности, «теофании» в праздновании Рождества в эпоху Палеологов по сравнению с X в. (с. 258). Очевидно, общий подъем религиозности и церковной культуры в XIV в., еще одном «золотом столетии» византийской духовности⁴, не мог не сказаться и на государственно-политической жизни в целом. А средоточием этой жизни, вне сомнения, был императорский дворец.

Для истории Церкви — повторим еще раз — важна гл. 3 «Поздневизантийский чин коронования василевса» (с. 96–129), написанная с учетом новейших научных разработок (труды Б. А. Успенского, Н. А. Хачатурян, Д. Ангелова и др.). Важен раздел «Символ веры» (с. 102–104), с пространной цитатой на с. 103 из особой формулы защиты веры, которую произносил коронуемый император. В разделе «Акт помазания василевса» (с. 110–117) внимание читателя привлекает текст молитвы на помазание, которую читал патриарх, согласно чину, изложенному во флорентийской рукописи (с. 111–112). Примечательна ориентация всего действия на примеры пророка Самуила и царя Давида, т. е. на ветхозаветный образец освящения помазанника Божия (там же). Однако помазание не было таинством (с. 113), что подтверждается и перечнем 10 таинств Церкви, содержащимся в канонических ответах митр. Иоасафа Эфесского († 1437), в котором нет таинства помазания на царство⁵. Однако это все же было особым действием во всех средневековых государствах Европы, коль скоро король или, тем паче, василевс исполнял роль особого посредника между подданными и Богом, «епископа внешних дел (или: тех, кто вне Церкви)», согласно Евсевию Кесарийскому (см. с. 114). Однако помазание вводится в практику политической жизни Византии лишь в никейскую эпоху в начале XIII в., после катастрофы Четвертого крестового похода (с. 115–116),

⁴ См. хотя бы библиографию в: Исихазм. Аннотированная библиография / под общей и науч. ред. С. С. Хоружего. М., 2004. С. 345–471; а также вступительные статьи к этому тому.

⁵ Акишин С. Ю. Списки трактата Иова Амартоло о семи церковных таинствах: предварительный обзор // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 166.

когда одной лишь старой «императорской идеи» было недостаточно для придания прочности государственному организму (там же)⁶. Важно также подробное изложение М. А. Поляковской деталей процедуры коронования, с указанием на полагавшиеся библейские чтения (Евр 12. 28 — 13. 6; Ин 10. 1–16) и формулу многолетия (полихрония) (с. 118–119).

На с. 212 (см. также прим. 88) М. А. Поляковская пишет (со ссылкой на Г. Г. Литаврина) о том, что торжественный пир в честь княгини Ольги в Константинополе, хотя и состоялся в сентябре (это событие следует датировать, по всей видимости, 957 г.), был организован по чину празднования Пасхи. Вместе с тем, в новейшей историографии вопроса мы встречаем другую интерпретацию названных событий — и, пожалуй, более мотивированную как с исторической, так и с литургической точки зрения⁷.

Наконец, выделим ряд параграфов рассматриваемой книги, которые нам представляются особо значимыми в силу актуальности рассматриваемых в них проблем, глубины и многоаспектности их рассмотрения, новизны постановки тем и мастерства трактовки. Это: «Византия: сущность и этапы ее истории» (с. 9–20)⁸; Гл. 1 «Пространство церемониала эпохи Палеологов» (с. 37–55: ценная сводка материала по истории Влахернского дворца и храма); «Василевс в среде духовенства» (с. 88–90); «Император как «подобие Бога» (с. 90–92); «Василисса и «мир женщин» двора» (с. 139–149); «Чиновная лестница» (с. 160–174); «Итальянские послы на императорском приеме» (с. 226–233); «Траурные дни» (с. 268–278).

Особо следует подчеркнуть и значимость двух помещенных в конце книги приложений: «Табель о рангах XIV в. Должностные функции и справка по просопографии» (с. 293–304, с перечислением 80 чинов по Псевдо-Кодину и их носителей по PLP); «Алфавитный список чинов (с указанием их порядкового номера в иерархии)» (с. 305–306, в порядке русского алфавита).

Невозможно не сказать и о прекрасном качестве полиграфического исполнения книги М. А. Поляковской. Пурпурный цвет обложки, миниатюра Мануила II Палеолога, мелованная бумага, цветные иллюстрации на наклейках — все это способствует тому, что знакомство с данной монографией не просто становится очередным событием в научной и культурной жизни историка-византиниста, но наполняет его внутренний мир порядком и гармонией, верой в победу смыслозидующих начал Прекрасного и Добра.

Д. И. Макаров

⁶ Кроме того, в 10–30-е гг. XIII столетия произошел церковно-политический конфликт между Никеей и Эпиром (см.: *Karpozilos A. D. The Ecclesiastical Controversy between the Kingdom of Nicaea and the Principality of Epiros (1217–1233). Θεσσαλονίκη*, 1973).

⁷ *Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. (Studia historica). С. 285; Гордиенко Д. С. К дискуссии о времени крещения княгини Ольги // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М., 2011. С. 71–74, особ. 74.*

⁸ Данный параграф хорошо прочесть вкупе с наконец-то недавно изданной у нас книгой Г. А. Острогорского: *Острогорский Г. А. История Византийского государства / пер. с нем. М. В. Грацианского. М., 2011.*

Рецензия на: Труды Киевской духовной академии. Киев, 2009. DVD 1: 1860–1879; Киев, 2010. DVD 2: 1879–1899; Киев, 2011. DVD 3: 1900–1917, 1997–2011

В 2011 г. к началу III Международной научно-практической конференции Киевская духовная академия завершила огромный по своей важности и тяжелый по своему исполнению проект по изданию на электронных носителях академического журнала «Труды Киевской духовной академии» в дореволюционной и современной сериях. Выход первого диска этой серии, научная общественность восприняла с большим энтузиазмом и надеждой на то, что в скором времени ученые и, шире, русская богословская наука получит в свое распоряжение доступный только в крупнейших библиотеках страны журнал, в котором публиковались результаты важных исследований в области богословской и церковно-исторической науки, а также важнейший источник по истории Киевской духовной академии — извлечения из протоколов заседаний Ученого совета названного учебного заведения. Завершение этого проекта не может не радовать, потому как теперь в распоряжении церковной науки есть в целом виде три богословских журнала: «Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе», «Богословский вестник», издававшиеся Московской духовной академией, и рецензируемое нами в настоящей заметке издание.

Структура издания ТКДА хорошо продумана и удачно вписывается в традицию оформления подобного рода электронных переизданий дореволюционной литературы¹. К сожалению, представленные на дисках отсканированные страницы не всегда отвечают требованиям качества изображения, порой текст практически нечитабелен, отображается криво, эмблема академии, идущая по краю издания, часто «наезжает» на текст, по краям страниц видны черные полосы, и проч. Эти недостатки можно объяснить, вероятно, недостаточно хорошим качеством самих печатных материалов: в дореволюционных изданиях по причинам экономии финансовых средств иногда использовалась дешевая тонкая бумага, отчего текст одной страницы проступал на обороте той же страницы, а при сканировании очень сложно достаточно хорошо выставить настройки яркости, чтобы текст был отсканирован четко. Наличие недостатков можно объяснить также невероятным объемом проведенных работ: были переведены в цифровой вид десятки тысяч страниц журнала, а при таких масштабах нелегко добиться качества.

Несмотря на высказанные замечания, хотелось бы поздравить Киевские духовные школы с завершением этого грандиозного проекта. Хочется надеяться, что академия на этом проекте не остановится и уже в ближайшее время появится в цифровом виде другое любопытное издание КДА — «Руководство для сельских пастырей», а Санкт-Петербургская духовная академия, в свою очередь, закончит переиздание журнала «Христианское чтение» (пока что переизданы журналы, начиная с 1868 г.). Кроме того, в настоящее время имеется острая необходимость в переиздании академического журнала Казанской духовной академии «Право-

¹ См., например, CD-диски с тематическими подборками дореволюционных книг, переизданных издательством «Аксион эстин».

славный собеседник» — оцифровкой этого журнала никто не занимается, хотя наряду с прочими журналами он также содержит в себе богатейшие наработки и монументальные исследования профессорско-преподавательской корпорации названного учебного заведения. Вероятно, не стоит особо затруднять себя объяснением необходимости подобного рода изданий: как уже отмечалось, полные подборки академических журналов имеются только в крупнейших библиотеках страны, доступ к которым либо ограничен, либо затруднен; когда же на одном или нескольких дисках имеется вся подборка с возможностью оперативного поиска, это и облегчает научную работу, и дает в руки исследователей важный источник по истории духовных учебных заведений Русской Православной Церкви.

С. Ю. Акишин

Рецензия на кн.: *Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. — Львів: Видавництво «Апріорі», 2011. — 880 с.: іл.*

ISBN 978-617-629-029-2

Украинская византистика все чаще и чаще приятно удивляет своих соотечественников из России новым в области византиноведения. Так, к примеру, уже 10 лет назад в Украине появился перевод на родной для ее жителей язык монументального исследования русского византиниста-эмигранта Г. А. Острогорского «История Византии», а у нас, в России, эта книга появилась на русском лишь в прошлом году... Кроме того, привлекают внимание и имеют особую ценность самостоятельные научные разработки украинских византологов, которые, несомненно, вносят заметный вклад в науку.

В целом ряду новых работ привлекает особое внимание добротный справочник по византиноведению, носящий скромное название «История Византии. Введение в византистику» и посвященный светлой памяти недавно почившего выдающегося византиниста современности И. И. Шевченко (1922–2009). Естественно, создание таких работ далеко не всегда под силу одному ученому, поэтому над рецензируемым изданием работал целый коллектив авторов, среди которых есть имена как хорошо известных для русского читателя исследователей, так и малоизвестных, что, впрочем, никак не повлияло на качество коллективного труда. Как отмечают сами авторы, «учебник освещает историю возникновения, развития, расцвета и падения Византийской империи, формирование византийского содружества наций, истории византийской Церкви, культуры и искусства, экономику, повседневную жизнь и менталитет византийцев. Отдельное внимание

уделено связям Руси и Византии»¹. Несомненно, по охвату тематики и масштабам разбираемый справочник вполне может конкурировать, хотя и частично, с такими русскими изданиями советского времени, как «История Византии» под редакцией академика С. Д. Сказкина и «Культура Византии» под редакцией академика Я. Н. Любарского.

Авторы справочника подошли к изданию творчески; это видно хотя бы из великолепно названных параграфов пособия. Учебник, адресованный студентам высших учебных заведений, структурирован в 4 раздела, соответствующих основным этапам бытия Византийской империи: раздел I «Ранняя эпоха» объединяет в себе 5 глав или параграфов: § 1. «Второй Рим» (с. 22–66); § 2. «Залог успеха» (с. 67–93); § 3. Imperium Christianum (с. 94–121); § 4. «Потери и мятежи» (с. 122–139); § 5. «Новая эманация» (с. 140–162). Раздел II «От античности до Средневековья (VII–IX вв.)» состоит из 6 параграфов: § 6. «Перевоплощение Ромейской державы» (с. 164–184); § 7. «Век перемен» (с. 185–207); § 8. «“Золотые века” византийского села» (с. 208–218); § 9. «Две знати» (с. 219–233); § 10. «Иконоборчество. Отступники или реформаторы?» (с. 234–249); § 11. «Ереси и миссионерство» (с. 250–262). Третий раздел «От могущества к упадку (X–XII вв.)»: § 12. «Вершина величия. Македонская династия» (с. 264–281); § 13. «“Мощные” и “убогие”» (с. 282–301); § 14. «“Из варяг в греки и из грек...”» (с. 302–314); § 15. «Византия и Русь: от конфронтации к сотрудничеству» (с. 315–345); § 16. «Переломный XI век» (с. 346–366); § 17. «Загадка Комнинов» (с. 367–389); § 18. «Распад империи» (с. 390–407); § 19. «Византия и Русь: новые горизонты» (с. 408–426); § 20. «Торжество Православия» (с. 427–458). IV раздел «Путь к гибели»: § 21. «На обломках краха» (с. 460–470); § 22. «Возвращение родины» (с. 471–485); § 23. «Мир поместий и деревень» (с. 486–496); § 24. «Пагубная конкуренция или плодотворное сотрудничество?» (с. 497–506); § 25. «Попытка реванша» (с. 507–516); § 26. «“Пиррова” победа знати» (с. 517–524); § 27. «Между Востоком и Западом» (с. 525–532); § 28. «“Обреченный остров”» (с. 533–541); § 29. «Последний бой империи» (с. 542–558); § 30. «Византия и Русь: продолжение» (с. 559–574); § 31. «Отблеск в сумерках» (с. 575–592). В конце каждого параграфа авторы учебника приводят контрольные вопросы для закрепления знаний и раздел «Увага, джерело!» [Внимание, источник!], в котором читателю предлагаются иллюстрирующие разбираемый в параграфе материал выдержки из того или иного исторического сочинения. В дополнение к справочнику помещены 10 вспомогательных приложений: 1. История публикации письменных источников по истории Византии (с. 594–605); 2. Очерк развития мировой византистики (с. 606–619); 3. Византиноведение на украинской территории: с XIX века до современности (с. 620–633); 4. Хронология важнейших событий (с. 634–640); 5. Перечень правителей (позднеримских и византийских императоров, правители Латинской, Никейской, Трапезундской империй, Мореи, Эпира, Фессалоники, Фессалии, Афино-Фиванского герцогства и Ахейского княжества) (с. 641–646); 6. Перечень константинопольских патриархов (с. 647–650); 7. Византийские денежные едини-

¹ Історія Візантії. Вступ до візантиністики. С. 4.

Рецензии, аннотации и библиография

цы, единицы измерений и их эквиваленты (с. 651–654); 8. Хронологический перечень агиографических источников (персоналии) (с. 655–662); 9. Словарь имен и понятий (с. 663–797); 10. Список источников и литературы (с. 798–878).

Не беря на себя ответственности высказать замечания относительно содержания учебного пособия, скажем несколько слов о его оформлении. Книга прекрасно издана, имеет довольно крупный шрифт, который легко читается. Кроме того справочник снабжен большим количеством иллюстраций и карт, которые могут оказаться незаменимым пособием для более качественного изучения студентами судеб Византийской империи. К сожалению, в подобного рода масштабных работах неизбежны опечатки; так, например, в списке литературы их огромное количество: на с. 800 вместо «павликианского» стоит «павликанского» (позиция № 40), на с. 804 фамилия известной исследовательницы армяно-византийских отношений В. А. Арутюновой-Фидаян передана как «Арутюнова-Фидаян» (№ 120), на с. 807 свт. Николай Мирликийский назван Миликийским (№ 168) и др.; на с. 803 Константин Арменопул назван Гарменопулом, а византийские историки Дексипп и Олимпиодор именуются Девксиппом и Олимпиодором (с. 802, № 74); на с. 803 неверно указано имя автора: вместо Георгия Кодина должно стоять имя Георгия Кедрина (№ 100) и др.

Несмотря на высказанные замечания, рецензируемое издание представляет собой добротный справочник по истории Византии, которым можно и нужно пользоваться при изучении исторического пути византийского общества. Нам же остается только надеяться, что в скором времени и в России появятся подобного рода работы, ориентированные на русских студентов высших учебных заведений, желающих подробнее познакомиться с византийской культурой и историей.

С. Ю. Акишин